

41. Кнабе Г. С. Словарное заимствование и этногенез//ВЯ. — 1962. — № 1.
42. Напольских В. В. Происхождение субстратных компонентов в составе западных финно-угров//Балто-славянские исследования. — 1988–1996. — М.: Индрик, 1997.

Резюме

Буйнов Ю. В. *Бондарихінська й лебедівська культури: проблема етнічних зв'язків.*

На підставі археологічних та лінгвістичних джерел автор статті пропонує виділити нову бондарихінсько-лебедівську історико-культурну спільноту фінального етапу доби бронзи. Її основу складають етнічна спорідненість носіїв цих культур, їх близьке територіальне і хронологічне положення, а також єдиний господарчо-культурний тип.

А. Н. Домановский

ЧАСТНАЯ АКЦИЯ ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА? О РЕГУЛИРОВАНИИ БОЛГАРО-ВИЗАНТИЙСКОЙ ТОРГОВЛИ в 894 г.

Сильные экономические позиции на международной арене всегда были одновременно и признаком успеха и процветания государства, и залогом его долголетия. Не секрет, что в значительной мере создание выгодных условий внешнеэкономических отношений со странами-контрагентами зависит от правительства, способного использовать все доступные ему средства для отстаивания внешнеэкономических интересов державы. Со всей очевидностью этот фактор проявил себя в Византийской империи, более чем тысячелетнее существование которой, помимо прочих факторов, обеспечивалась также наличием развитой внешней торговли и сильной централизованной государственностью [1, р. 139–148; 2, р. 975–980, 999–1000; 3, с. 122–132, 4, с. 70–71 и др.].

В целом, внешнеэкономическая политика империи ромеев традиционно привлекала значительное внимание исследователей. В то же время рассмотрение многих частных вопросов византийской внешнеторговой политики нельзя считать в достаточной мере полным и лишенным штампов. Такая ситуация, как это обычно бывает, характерна именно для тех событий, которые давно уже стали хрестоматийными фактами, поданными под определенным углом зрения и не вызывающими, вследствие этого, должного критического интереса. Одним из них, безусловно, является предпринятая ромеями в 894 г. акция по изменению условий византино-болгарской торговли, ставшая причиной первой в истории Европы «экономической» войны.

В историографии данное событие обычно рассматривают с точки зрения болгар, якобы лишившихся права доступа на «мировое торжище» столицы империи вследствие переноса болгарского рынка из Константинополя в Фессалонику и подвергшихся несправедливым поборам со стороны ромейских торговцев — откупщиков таможенных сборов. Причины же осуществления этой акции со стороны Византии вслед за источниками сводят к дворцовой интриге, приведенной в исполнение алчными купцами и нечистыми на руку при дворными. Такая интерпретация события характерна для работ подавляющего большинства византинистов и болгаристов и сохраняется вплоть до наших дней. Даже в тех случаях, когда в литературе перенесение «болгарского рынка» называют государственной мерой, мероприятием византийского правительства, решением византийских чиновников и приписывают его Льву VI Философу (886–912), либо, по меньшей мере, подразумевают все это, то за этим обычно стоит простая генерализация данных источников и первопричину акции исследователи все так же видят в инициативе двух ромейских торговцев, стремившихся нажиться на торговле с болгарами [5, с. 40–41; 6, с. 179; 7, р. 237; 8, с. 279; 9, с. 168; 10, с. 232; 11, с. 179; 12, с. 153–154; 13, р. 718; 14, с. 119; 15, с. 36; 16, с. 84; 17, с. 39; 18, с. 64; 19, с. 171; 20, с. 84; 21, с. 255; 22, с. 167; 23, с. 170; 24, с. 165; 25, с. 6; 26, с. 158; 27, с. 98; 28, с. 109; 29, с. 61–62; 30, р. 463, 574; 31, с. 116; 32, р. 32; 33, р. 67; 45, р. 246; 46, с. 88 и др.]. Таким образом, интересующее нас событие обычно рассматривалось в тех исследованиях, в которых вопросы внешнеэкономической политики Византийской империи занимали подчиненное место, затрагивались попутно и косвенно, а сама эта политика не воспринималась как целостное и системное явление [34, с. 60; 35, с. 182]. Даже такие историки, как В. Златарский, Г. Братияну, М. Я. Сюзюмов, Г. Цанкова-Петкова, Б. Малих, И. Караяннопулос, Г. Г. Литаврин и С. Б. Сорочан, которые пытались анализировать изменение условий византино-болгарской торговли с точки зрения византийской внешнеэкономической политики, во многом оказывались в плену традиционных трактовок и ограничивались ценными, но частными наблюдениями по интересующему нас вопросу. Они традиционно продолжали считать действия византийских торговцев определенного рода злоупотреблением, самовольным нарушением внутриимперских порядков, на которое василевс посмотрел сквозь пальцы [36, с. 285–288; 37, с. 30–36; 38, 161–179; 39, S. 148–163; 40, Σ. 25–46; 3, с. 129; 34, с. 68–70; 41, с. 21; 42, 239, 309–310; 43, с. 229–236; 44, с. 138–141; 47, с. 39–41]. Так, к примеру, С. Б. Сорочан называет все произошедшее удачной «махиной» двух византийских купцов [42, с. 310]. В то же время он замечает, что причины войны определялись двусторонней игрой Византии и Болгарии на давних торговых интересах, нашедших отражение в предшествующих мирных

договорах, и, вероятно, вытекали из попытки византийского правительства навязать болгарам экономически невыгодное для них соглашение [42, с. 239; 34, с. 69].

Таким образом, исследователи так и не дали окончательного ответа на вопрос о том, чем же все-таки в действительности была акция, предпринятая ромеями в 894 г.: частной инициативой корыстолюбивых купцов и чиновников либо же элементом целенаправленной государственной политики? В данной статье мы предпримем попытку заострить внимание на некоторых моментах, которые могут пролить свет на этот немаловажный вопрос.

Прежде всего, обратимся к первоисточникам. Согласно их свидетельствам, отличающимся лишь в незначительных для избранного угла зрения деталях, произошедшее в 894 г. изменение условий византино-болгарской торговли было вызвано желанием неких Ставракия и Космы, торговцев из Эллады, нажиться на торговле с болгарами. При посредничестве евнуха Мусика они смогли добиться разрешения на перенос болгарского рынка из Константинополя в Фессалонику (либо, как считает Г. Г. Литаврин, в самой Фессалонике с одного места на другое [44, с. 139–140], или же, по мнению И. Караяннопулоса, на изменение условий торговли в этом городе [40]) у могущественного фаворита Льва VI василеопатора Стилиана Зауцы. Осуществив перенос (изменение условий торговли), они начали брать с болгарских торговцев, прибывавших в город, большие «злостные» подати (*κακῶς κοτζερκεῖοντες τοὺς Βουλγάρους*). Узнав об этом, царь Болгарии Симеон (893–927) обратился ко Льву VI с требованием устранить несправедливость, но последний счел дело недостойным императорского внимания, поскольку полностью доверял Зауце [48, р. 357; 49, с. 149, VI. 9; 50, 93; 51, с. 254; 52, с. 771–772; 36, с. 767–771]. В итоге Симеон развязал военные действия, нанеся значительный урон империи и закончившиеся в 896 г. ее поражением.

Представляется невероятным, чтобы в течение столь длительного времени империя была вовлечена в тяжелую войну, направленную исключительно на отстаивание интересов каких-то двух безвестных торговцев. Станным кажется уже само втягивание Византии в войну, начавшуюся по столь незначительному для нее поводу. Это обстоятельство, отмечавшееся некоторыми исследователями [9, с. 168; 31, с. 116], до сих пор не привлекало должного внимания. Между тем, именно оно позволяет полагать, что за описанными в общеизвестных источниках событиями по изменению условий болгаро-византийской торговли скрывается нечто большее, чем просто частная интрига. Об этом же, как можно обоснованно предположить, свидетельствуют и некоторые не нашедшие должного отражения в специальной литературе косвенные обстоятельства.

Прежде всего, обращает на себя внимание реакция Льва VI на перенесение рынка из столицы, о чем его известил царь Болгарии Симеон: им-

ператор «счел все пустяками», не заслуживающими внимания, «ибо, — как утверждает далее источник, — чрезвычайно любил Зауцу» [48, р. 357; 49, с. 149, VI. 9]. Как представляется, вряд ли василевс пошел бы на обострение отношений с болгарами из-за одного расположения к какому бы то ни было, пусть даже самому близкому, чиновнику, если это не отражало коренных интересов империи. Примечательно, что «любовь» к Зауце никоим образом не помешала Льву VI несколько позже обрушиться с карой на провинившегося во взяточничестве Мусика [48, р. 358; 49, с. 150, VI. 14; 37, с. 33]. Следовательно, императору ничего не стоило покарать евнуха и раньше, переложив, таким образом, на него всю вину за перемещение рынка, и немедленно уладить отношения с Симеоном. Тем не менее, тогда василевс на такие меры не пошел. Следовательно, можно предположить, что изменение условий болгаро-византийской торговли было осуществлено с ведома и одобрения императора. Уже В. Златарский заметил, что решение о перенесении рынка изначально, должно быть, принадлежало именно императору, пусть он и принял его с подачи Зауцы [36, с. 285].

Особого внимания заслуживает также тот факт, что сфрагистические источники донесли до нас те же имена торговцев из Эллады — Ставракия и Космы — в звании коммеркиариев Фессалоники [45, р. 247; 42, с. 310]. Таким образом, «инициаторы» перенесения болгарского рынка в Фессалонику оказываются не просто алчными торговцами, но чиновниками логофесии геникона, находившимися на службе империи, и, следовательно, выполнявшими волю правительства. В IX в. коммеркиарии действительно занимались сбором специального налога с торговли — коммеркия, так что вполне закономерным является тот факт, что они взимали подати (*κοτζερκεῖοντες*) болгар, торговавших в Фессалонике [2, р. 978–797; 42, с. 307; 54, с. 74–76]. Наличие же на печатях имен отнюдь не обязательно обозначает, как считал Н. Икономидес, что данную должность занимали откупщики, но, вероятно, лишь подчеркивает личную ответственность чиновников за предпринятые ими действия по регулированию внешней торговли [2, р. 977–978, 979; 53, р. 41; 54, с. 73]. Даже если согласиться с тем, что Ставракий и Косма были откупщиками, то это никоим образом не противоречит мысли о том, что изначально решение о возможности взимать с болгар налоги и об отдаче этого сулящего большие прибыли дела на откуп должно было исходить от центрального византийского правительства.

Все это заставляет считать свидетельства источников по интересующему нас вопросу предвзятыми и, вследствие этого, не во всем правдивыми. Они сводят причины изменения условий византино-болгарской торговли исключительно к самовольным действиям неких купцов и чиновников, тем самым как бы отодвигая императора как активного участника, и, по нашему мнению, главного инициатора этого мероприятия, на второй план, стусевывая его роль. Возможно, такая позиция вызвана

желанием отвести от императора обвинения в начале длительного и тяжелого для империи противостояния с болгарами, закончившегося подписанием невыгодного для Византии мирного договора 896 г. На поверку же купцы-корыстолюбцы оказываются чиновниками на государственной службе, а решение об изменении условий болгаро-византийской торговли — принадлежащим самому василевсу.

Последнее предположение подкрепляется еще и тем фактом, что изменение условий византино-болгарской торговли было предпринято именно в 894 г., то есть тридцать лет спустя после договора между двумя государствами, заключенного при крещении болгар в 864 г. [14, с. 119; 15, с. 36; 17, с. 38 и др.]. Тридцатилетний срок между последним мирным договором и началом очередной византино-болгарской войны исследователи отмечали [см., например: 24, с. 165; 44, с. 139], но лишь И. Дуйчев специально подчеркнул, что именно тридцатилетие считалось в ромейском государстве официальным термином соблюдения любого долгосрочного мирного договора («глубокого» или «вечного» мира), по истечении которого оно считало себя вправе в одностороннем порядке разорвать или изменить условия соглашения [55, с. 64–70]. Это обстоятельство позволяет предположить, что инициатива изменения условий византино-болгарской торговли исходила именно от византийского правительства и императора, а не от каких-то торговцев, поскольку только василевс был правомочен решать вопросы войны и мира и принимать либо отменять условия мирного договора. Оно также наводит на мысль о стремлении византийцев избавиться от каких-то невыгодных для империи положений последнего по времени договора сразу же, как только это стало возможным с правовой точки зрения [ср.: 34, с. 69; 42, с. 239]. По крайней мере, точно таким же образом византийское правительство вело себя в отношении невыгодных для себя договоров с Русью, причем никаких сомнений в том, что решение о разрыве соглашения по истечении тридцатилетнего срока исходило именно от главы государства, не возникает [56, с. 11].

В нашу задачу не входит выяснение вопроса о том, какие именно экономические условия договора от 864 г. не устраивали византийское правительство, и, следовательно, какие конкретно мероприятия предприняло оно по изменению условий византино-болгарской торговли. Было ли это введение пошлин, не взимавшихся ранее, либо значительное повышение таможенных сборов, существовавших и ранее, и сопровождалось ли все это переносом болгарского торжища или митаты из Константинополя в Фессалонику, полным либо частичным, либо последний факт — укоренившийся в исторической литературе результат неправильного прочтения источников, в данном контексте это не так важно. Достаточно констатировать, что экономическая подоплека недовольства царя Симеона определялась не незначительным частным фактом, а односторонним стремлением византийского правительства, не считавшегося

с болгарской стороной, навязать последней экономически невыгодный договор [34, с. 69; 46, с. 88].

Отметим лишь, что, поскольку сведения о торговых клаузулах болгаро-византийского соглашения не сохранились, судить о них можно лишь на основании сравнения с предыдущими болгаро-византийскими договорами, касавшимися условий торговли, заключенными в 717 и 814 гг. Наиболее привлекательной в этом плане выглядит точка зрения Г. Г. Литаврина о том, что болгары были возмущены введенным византийским правительством требованием выплаты таможенных пошлин, поскольку ранее, согласно договору, они, вероятно, торговали беспошлинно [44, с. 138–141]. Недоумение вызывает только то утверждение исследователя, что изменить условия предыдущего соглашения оказалось под силу простым греческим торговцам, пусть даже и воспользовавшимся своими связями при дворе. Решение вопроса такого уровня, имеющего непосредственный выход на внешнюю политику, было невозможно без непосредственного участия императора.

Если сопоставить идею о том, что болгары были возмущены именно введением не взимавшихся ранее таможенных сборов с выводом историков о том, что Ставракий и Косьма одновременно и собирали налоги, и получили монополию на торговлю с болгарами [38, с. 174, бел. 35; 47, с. 41], можно предположить, что в предпринятой византийцами акции мы наблюдаем частичный возврат к практике государственных монопольных закупок товаров у иноземных купцов, существовавшей в VII–VIII вв. Ее, как известно, осуществляли в то время именно коммерции [см.: 54, с. 69–77; 42, с. 306–307]. Таким образом, «торговцы» действительно покупали привозимые болгарами товары, но не для себя лично, а, фактически, для государства, и монополия на торговлю была не частной, а государственной.

В пользу высказанного предположения о том, что изменение условий болгаро-византийской торговли в 894 г. было государственным мероприятием, свидетельствует также общий характер экономической политики византийского государства, направленной на рубеже IX–X вв. на усиление государственного контроля над производством и торговлей. Исследователи уже увязывали рассматриваемое событие с активизацией внешней торговли империи. Но, оставаясь в плену традиционных трактовок, развивали свою мысль в том направлении, что именно рост значения внешнеторговых отношений и, соответственно, возрастание влияния торговцев при дворе позволили двум корыстолюбцам из Эллады добиться желаемого [38, с. 172–173; 46, с. 88; 47, с. 41 и др.].

Между тем, объяснение оказывается более простым и логичным: вся эта акция была спланирована государством в контексте его внешнеторговой политики. Именно при Льве Философе византийское государство принимает значительное количество специальных законодательных постановлений, направленных на контроль и регулирование торгового

обмена, в том числе с иностранными торговцами, со стороны государства. Это усиление нашло отражение в многочисленных законодательных памятниках, принятых при Льве VI и при его непосредственном участии [см.: 2; 47; 59; и др.]. Именно при этом императоре ведомство дрома начинает активную деятельность по сбору разнообразной, в том числе и экономической, информации о различных соседних народах [22, с. 128; 34, с. 68].

Таким образом, осуществленная в 894 г. акция вполне сочеталась с общим направлением торговой политики империи того времени, направленной на активизацию торгового обмена и усиление государственного контроля за внешней торговлей. Как мы уже отмечали, ромейское правительство почти одновременно не раз осуществляло по отношению к Древней Руси акции, идентичные в своей основе той, которую оно провело по отношению к Болгарии в 894 г. Это заставляет видеть взаимосвязь и согласованность в действиях Византийской империи относительно внешне-торговых контрагентов в конце IX—первой половине X вв.

Объяснение того факта, что источники донесли до нас информацию об изменении условий византино-болгарской торговли именно и исключительно в Фессалонике, представляется двояким. Прежде всего, этот город сохранил в рассматриваемое время значение крупнейшего пограничного болгаро-византийского торгового центра, в отличие, к примеру, от потерявшей ко второй половине IX в. общеимперское торговое значение Месемврии. И именно здесь осуществляли торговый обмен представители болгарской знати из западной части страны, которые, безусловно, имели больше возможностей напрямую обратиться к царю Болгарии, чем крестьяне, торговавшие в менее значительных локальных пограничных торговых пунктах [2, р. 978; 11, с. 34; 23, с. 170; 57, с. 31–34]. Вполне вероятно, эти торговцы также испытали на себе все прелести нововведений, но их стечения не были столь звучными, как мощный протест знатных болгар, торговавших в Фессалонике.

Не менее вероятной выглядит также мысль о том, что в Фессалонике, в которой контроль за приезжими купцами издавна был гораздо менее жестким, чем в Константинополе [18, с. 84; 33, р. 67 note 45; 42, с. 310–311; 58, с. 25], нововведения, направленные на создание второй зоны повышенного экономического контроля [59, р. 395], почувствовались гораздо скорее и гораздо более остро. Этот факт, возможно, заставляет в какой-то мере пересмотреть традиционное мнение о Фессалонике как об уникальном городе, административная власть которого весьма часто действовала независимо от константинопольского правительства и даже вопреки его воле [см.: 58, с. 23–24]. Возможно, в этом утверждении перед нами предстает очередной исторический миф, давно и основательно укоренившийся в историографии.

Очевидно, таким образом, что изменение условий византино-болгарской торговли нельзя сводить к простой дворцовой интриге. В нем

можно усмотреть не что иное, как целенаправленное мероприятие византийского правительства, призванное укрепить государственный контроль за внешней торговлей и приумножить денежные поступления в казну за счет таможенных сборов. Данный вывод останется в силе при любой трактовке вопроса о том, какие конкретно условия болгаро-византийской торговли были изменены и в чем состояла сущность нововведений. Это мероприятие, по всей видимости, было предпринято по прямой инициативе константинопольского правительства и самого Льва VI и не должно было ограничиваться локальными изменениями в Фессалонике. Как представляется, только незамедлительная реакция царя Симеона помешала византийскому правительству осуществить реформу условий внешней торговли во всей полноте.

Безусловно, многие положения данной статьи — не более чем гипотезы, требующие дальнейшего уточнения, возможно — пересмотра, но при скудных данных письменных источников, пополнения которых не приходится ожидать, и противоречивости многих выводов исследователей, любая подобная попытка будет лишь очередным шагом, пусть незначительным, но все же приближающим нас к истинному пониманию характера произошедшего.

Литература

1. *Andreades A.* L'Empire byzantin et la commerce international // *Annali della P. Scuola Normale Superiore di Pisa. — Serie 2. Lettere, Storia e Filosofia.* — 1935. — Т. 4.
2. *Oikonomides N.* The Role of the Byzantine State in the Economy // *The Economic History of Byzantium.* — Washington, 2002. — Vol. 3.
3. *Сорочан С. Б.* Случайность или система? Раннесредневековый византийский «меркантилизм» // *Древности—1995.* — Харьков, 1995.
4. *Сорочан С. Б.* Об элементах меркантилизма в торгово-экономической политике Византии VII–IX вв. // *Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV–IX вв.).* — Симферополь, 1994.
5. *Палаузов С. Н.* Век болгарского царя Симеона. — СПб., 1852.
6. *Мутафчиев П.* История на българския народ (681–1323). — София, 1986.
7. *The Cambridge Medieval History.* — Cambridge, 1936. — Vol. 4.
8. *История на България: в 14 тт.* — София, 1981. — Т. 2.
9. *Каждан А. П., Литаврин Г. Г.* Очерки истории Византии и южных славян. — СПб., 1998.
10. *Острогорський Г.* Історія Візантії / Перекл. з нім. А. Онишко. — Львів, 2002.
11. *История Византии: в 3-х т.* — М., 1967. — Т. 2.

12. *Рашиев Р.* Прабългарите и българското ханство на Дунав. — София, 2001.
13. *Laiou A. E.* Exchange and Trade, Seventh–Twelfth Centuries // *The Economic History of Byzantium*. — Washington, 2002. — Vol. 2.
14. *Державин Н. С.* История Болгарии. — М.; Л., 1945. — Т. 1.
15. *Державин Н. С.* История Болгарии. — М.; Л., 1946. — Т. 2.
16. *История Болгарии*: в 2-х т. — М., 1954. — Т. 1.
17. *Примов Б.* За икономическата и политическата роля на Първата Българска държава в международните отношения на средновековна Европа // *ИП*. — 1961. — № 2.
18. *Наследова Р. А.* Ремесло и търговля Фессалоники конца IX–начала X в. по данным Иоанна Камениаты // *ВВ*. — 1956. — Т. 8.
19. *Войнов М.* Промяната в българо-византийските отношения при цар Симеон // *ИИИ*. — 1967. — Т. 18.
20. *Икономика на България*: в 6 тт. — София, 1969. — Т. 1.
21. *Ангелов Д., Кашев С., Чолпанов Б.* Българска военна история. От античността до втората четвърт на X в. — София, 1983.
22. *Раннефеодальные государства на Балканах VI–XII вв.* — М., 1985.
23. *Тодорова Е.* К вопросу о товарообмене на Балканском полуострове в период раннего средневековья // *Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей*. — М., 1987.
24. *Ангелов Д.* Византия: Политическа история. — Стара Загора, 1994.
25. *Гюзелев В.* Цариград и българите през средновековието (VII–XV век) // *ИБ*. — 1998. — № 1.
26. *Левченко М. В.* История Византии. Краткий очерк. — М.; Л., 1940.
27. *Левченко М. В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. — М., 1956.
28. *Левченко М. В.* Русско-византийские договоры 907 и 911 гг. // *ВВ*. — 1952. — Т. 5.
29. *Ангелов Д.* История на Византия. — Втора част. 867–1204. — София, 1963.
30. *Treadgold W. A.* A History of the Byzantine State and Society. — Stanford, 1997.
31. *Оболенский Д.* Византийское Содружество Наций. — М., 1998.
32. *Lopez R.* Silk Industry in the Byzantine Empire // *Speculum*. — 1945. — Vol. 20. — № 1.
33. *Miller D. A.* Byzantine Treaties and Treaty — Making: 500–1024 AD // *BS*. — 1971. — Т. 32. — F. 1.
34. *Сорочан С. Б.* О торгово-экономической политике Византии в Нижнем Подунавье в VII–X вв. // *Болгарский ежегодник*. — Харьков; София, 1996. — Т. 2.
35. *Сорочан С. Б.* Проблема организации торговли ранней Византии в болгарской историографии // *Болгаристика в системе общественных наук: опыт, уроки, перспективы. Тезисы докладов и сообщений*

- Второй всесоюзной конференции по болгаристике (II Дриновских чтений) 5–7 февраля 1991 г. — Харьков, 1991.
36. *Златарски В.* История на Българската държава през средните векове. — София, 1971. — Т. 1. — Ч. 2.
37. *Brătianu G. I.* Le commerce bulgare dans l'Empire byzantin et le monopole de l'empereur Leon VI a Thessalonique // *Сборник в памет на проф. Петър Ников*. — София, 1940.
38. *Цанкова-Петкова Г.* Първата война между България и Византия при цар Симеон и възстановянето на българската търговия с Цариград // *ИИИ*. — 1968. — Т. 20.
39. *Malich B.* Der Sogenannte Wirtschaftskrieg zwischen dem Zaren Symeon (893 bis 927) und den Byzantinischen Reich als Ausdruck der gewachsenen Stärke des bulgarischen Staates // *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas*. — 1983. — Bd. 26. — № 2.
40. *Καραγιννόπουλος Ι.* Οι βυζαντινο-βουλγαρικές συγκρούσεις επί Συμεών // *BYZANTIACA*. — 1991. — Т. 12.
41. *Сорочан С. Б.* Организация контроля за купечеством в сфере внешней торговли Византии VII–IX вв. // *Международные связи в средневековой Европе*. — Запорожье, 1991.
42. *Сорочан С. Б.* Византия IV–X веков: этюды рынка. — Харьков, 2001.
43. *Литаврин Г. Г.* К дискуссии о договоре 716 г. между Византией и Болгарией // *Литаврин Г. Г. Византия и славяне*. — СПб., 1999.
44. *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX–начало XII в.). — СПб., 2000.
45. *Oikonomides N.* Le commercion d'Abidos, Thessalonique et le commerce bulgare au IXe siecle // *Hommes et richesses dans l'Empire byzantin*. — Paris, 1991. — Т. 2.
46. *Божилев И.* Цар Симеон Велики (893–927): Златният век на Средновековна България. — София, 1983.
47. *Сюзюмов М. Я.* Экономические воззрения Льва VI // *ВВ*. — 1959. — Т. 15.
48. *Theophanes continiatus* // *Theophanes continiatus. Ioannes Cameniata. Symeon magister. Georgius monachus* / *Rec. Im. Bekkerus*. — Bonnae, 1839.
49. *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / *Изд. Я. Н. Любарского*. — СПб., 1992.
50. *Златарски В. Н.* Известията за българите в хрониката на Симеона Метафраста и Логотета // *Сборник за народни умиротворения, наука и книжнина*. — 1908. — Кн. 24. — № 1.
51. *Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope* / *Ab. Im. Bekkerus suppletus et emendates*. — Bonnae, 1839. — Т. 2.
52. *Хронограф* Георгия Амартола. Греческий подлинник, пригот. к изд. Э. Г. Фон-Муральтом. — СПб., 1859.

53. *Oikonomides N.* Silk Trade and Production in the Byzantion from the Sixth to the Ninth Century: the Seals of Kommerkiarioi // DOP. — 1986. — Vol. 40.
54. *Бардола К. Ю.* К анализу сфрагистических источников о функциях коммеркиариев в Византии VI–IX вв. // ВХДУ. — 1998. — № 397: История. — Вып. 30.
55. *Дуйчев Ив.* Одна из особенностей ранневизантийских мирных договоров (IV–IX вв.) // ВВ. — 1959. — Т. 15.
56. *Попелхов М. В.* Цели военных походов киевских князей и болгарского царя на Византийскую империю в первой половине X века // Проблемы социально-политической истории и культуры средних веков. — СПб., 1998.
57. *Лишев Ст.* Българският средновековен град. — София, 1970.
58. *Браунинг Р.* Византийская Фессалоника: уникальный город? // GENNADIOS: к 70-летию академика Г. Г. Литаврина. — М., 1999
59. *Dagron G.* The Urban Economy, Seventh–Twelfth Centuries // The Economic History of Byzantium. — Washington, 2002. — Vol. 2.

Резюме

Домановський А. М. Приватна акція чи державна політика? Щодо регулювання болгаро-візантійської торгівлі у 894 р.

Статтю присвячено питанню про характер заходу зі зміни умов візантійсько-болгарської торгівлі, здійсненого візантійцями у Фессалоніці у 894 р. Ставиться питання про те, чим була викликана дана акція: приватною ініціативою двох купців, або ж цілеспрямованою державною політикою. Доводиться, що вона була державним заходом. Про це свідчить тридцятилітній строк між нею та останнім болгаро-візантійським договором 864 р. Відомо, що саме цей період візантійці вважали достатнім для дотримання умов будь-якої мирної угоди. Особи, котрі її здійснили, Ставракій та Косьма, були не просто торговцями, а чиновниками — коммеркіаріями на державній службі. Нарешті, вказаний захід цілком відповідає загальному напрямку економічної політики Лева VI (886–912) на посилення державного контролю і регулювання торгівлі та збільшення прибутків від неї.

С. А. Каріков

«ВІЙНА СВЯЩЕНИКІВ» У БРАУНШВЕЙЗІ: ПЕРЕДУМОВИ, ХІД, НАСЛІДКИ

Конфлікти між міським населенням і Римсько-Католицькою Церквою, а також у середовищі самого духовенства в пізньому Середньовіччі не були для Брауншвейга винятковим явищем. Найбільш масштабним серед них стала т.зв. «війна священників» (Pfaffenkrieg). Цей термін впер-

ше вжив брауншвейзький хроніст кінця XV ст. Герман Боте [1, С. 320]. «Війна священників» проходила в 1413–1420 рр. Вона розглядається деякими авторами як найвищий пункт боротьби між городянами і кліром середньовічного Брауншвейга [2, С. 59]. Її вивчення дозволить поглибити наші уявлення як про відносини між бюргерством і духовенством у пізньому Середньовіччі, так і про передумови Реформації.

Коротку характеристику «війни священників» дав Г. Дюрре у своїй праці з історії середньовічного Брауншвейга. Проте дослідник висвітлював події, утримуючись від узагальнюючих висновків, — він лише визначив позиції духовенства як «егоїстичні» [3, С. 197]. Такий підхід був характерний для істориків-позитивістів, які зосереджувалися в першу чергу на виявленні фактів, а не на їх оцінках. Сучасні дослідники звернулися до окремих аспектів конфлікту для більш глибокого їх аналізу. Зокрема, М. Кінтцінгер розглянув події «війни священників», пов'язані з розвитком освіти у середньовічному Брауншвейзі [4]. К. Ран характеризувала цей конфлікт на тлі діяльності церковних братств міста, приділивши основну увагу відносинам у середовищі міського духовенства [5]. Узагальнююче дослідження «війни священників» у Брауншвейзі належить Б.-У. Хергемеллеру, який порівняв її з виступами в інших німецьких містах проти влади Церкви [2; 6].

Однак ряд питань ще потребують подальшого вивчення. Насамперед, необхідно докладно проаналізувати передумови конфлікту. При розгляді ходу «війни священників» є потреба дати періодизацію подій, щоб з'ясувати ключові пункти змін у її сутності та методах ведення. Нарешті, має бути уточнена роль конфлікту у розвитку Брауншвейга. Пошук відповідей на ці запитання є головним завданням цієї статті. Вони вирішуються на основі таких джерел, як міські хроніки, акти Ради Брауншвейга, а також привілеї папського престолу — вищої інстанції, до якої зверталися учасники «війни священників».

Серед безпосередніх причин конфлікту дослідники вказують дві основні: боротьба за право призначення священника до парафіяльної церкви св. Ульріха і суперечка щодо створення двох міських шкіл [2, С. 51]. Раніше (з 1349 р.) священник до церкви св. Ульріха призначався місцевим штифтом (різновид монастиря для молодших дітей дворянських родин) св. Власія. Проте в 1413 р., після смерті попереднього, призначеного штифтом священника, який викликав незадоволення парафіян фінансовими зловживаннями, своїх кандидатів на заміщення вакантної посади висунули як штифт, так і міська Рада. Цими кандидатами були відповідно Йоганн фон Мунштеде і Хінрік Херборді. Імовірно, саме це протистояння претендентів на зайняття вакансії зумовило назву «війна священників» — їх суперечка була для хроніста найпомітнішим аспектом конфлікту.

Інша його причина була пов'язана з потребами Брауншвейга як центра ремесла і торгівлі в розвитку освіти. Для цього необхідно було заснувати